

ИСКУССТВО некоторых полемистов сказывается, между прочим, в том, чтобы ловко приписать оппонентам мысли, которых они никогда не высказывали. А выдумав столь удобных и уязвимых противников, затем с блеском разгромить их, обрушив на них град острот, насмешек и нравов. Такое соображение приходит в голову, когда думаешь о тех спорах, которые разворачиваются по вопросу об отражении образа нашего современника в искусстве.

Когда заходит речь о герое нашего времени, естественно, возникает предположение, что он должен воплощать в себе лучшие качества, присущие советским людям. Но как часто еще можно услышать упреки, что высказывающие это законное пожелание якобы призывают к созданию бесплотных, «идеализированных» персонажей, лишенных плоти, крови и нервов, — эдаких розовощеких бездумных «оптимистов».

Но кто и когда утверждал, что в качестве героев нашей эпохи надо показывать людей, похожих на ангелочков с рождественских открыток, никогда и ни в чем не сомневающих, не преодолевающих в себе те или иные недостатки, не имеющих каких-то вполне естественных человеческих слабостей?

Кстати, никто никогда не отрицал и того, что каждый автор волен выбирать героями своего произведения людей, наиболее близких и знакомых ему, отвечающих его творческим устремлениям и замыслам. Хочешь изобразить человека со сложной драматической судьбой, мучительно ищущего путь к правде, к истине, — очень хорошо. Задумал показать людей, зараженных обывательским отношением к жизни, погруженных в мелочи быта, занятых копанием в собственных душонках, не видящих, какая богатая жизнь бушует за окнами их дома, — пожалуйста. Но тогда мы вправе потребовать от художника четко выраженного отношения к этим героям, верной оценки описанных явлений и событий. Драматург А. Володина справедливо критикует не за выбор героев, а за то, что в оценке их он занимает объективистскую позицию.

Драматург может и должен писать и о теневых сторонах действительности. В нашей жизни есть еще немало такого, от чего нужно избавляться, с чем надо решитель-

но и непримиримо бороться. Но, изображая отрицательные явления, художник обязан обличать их, вступать с ними в борьбу, уничтожать зло своим оружием. В этом прежде всего и найдут свое выражение его идеалы — идеалы художника-гражданина и борца.

«Общественное значение писателя (а какое же может быть у него иное значение?) в том именно и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственных и умственных неурядицы, чтобы осветить всякого рода духоты веянием идеала. Каким путем эта цель может быть достигнута, это зависит от интимных свойств каждого отдельного таланта, но дело в том, что писатель, которого сердце не переболело всеми болями того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень скоропреходящего». Эти слова были сказаны Салтыковым-Шchedриным чуть ли не сто лет назад, но о них следует задуматься и нынешним драматургам, претендующим на роль «обличителей», полагающих, что они своим «критическим направлением ума» помогают искоренению пережитков прошлого.

Признавая правомерность различных аспектов в выборе тем, сюжетов, характеров, необходимо особо подчеркнуть, что главное внимание должно быть уделено изображению героического начала в нашей действительности, раскрытию великого творческого пафоса, которым охвачен советский народ — строитель коммунизма. Вполне понятно, что разговор о создании яркого, крупного, впечатляющего образа, синтезирующего в себе лучшие качества современника, образа, который мог бы воспламенить сердца людей и служить им вдохновляющим примером, с новой силой встает перед нашими драматургами, театрами и критикой. Достоинство, однако, удивления, что уже самая постановка этой проблемы вызывает какое-то раздражение даже у тех художников, кои сами же, собственным творчеством успешно опровергают ошибочность некоторых своих теоретических высказываний.

В статье, опубликованной в январском номере журнала «Театр», А. Арбузов пишет: «Подобно Иисусу Христу, выгнавшему из храма торговцев и менял, Чехов поднял руку на привычные фигуры добродетельных героев и закоренелых злодеев, сказав при этом: «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть».

Все ли мы верные его последователи в этом?

Не забудем и того, что Чехов был крайне деликатен и никогда не подменял живое действие героев правилами и образцами хорошего поведения, — он уважал человека и во все не торопился развивать в нем инстинкт подражания. К тому же он отлично понимал, что человек — слишком не простой организм, для того чтобы быть правым всегда», (подчеркнуто мной. — Н. Г.).

Разумеется, вряд ли кому-нибудь может прийти в голову предположение, чтобы Чехов мог увлечься изложением правил хорошего тона вместо воплощения жизни человеческого духа. Тут и спорить не о чем. Но нельзя не заметить, что в высказывании Арбузова ощущается желание изобразить Чехова противником создания положительных образов, достойных подражания. Думается, однако, что великий писатель весьма отчетливо представлял себе суть, скажем, такого образа, как Дымов. И не думаю, чтобы он стал протестовать против попытки читателя подражать Дымову,

т. е. жить по-дымовски: честным, благородным, вдохновенным творческим трудом.

Обратимся к героям самого Арбузова. И здесь мы увидим явное несоответствие художника-практика со своими теоретическими размышлениями. Вспомним арбузовскую Таню. Не могу утверждать, но глубоко убежден, что у автора «Тани» хранятся сотни писем от зрителей, которые благодарили его за этот образ, рассказывали ему, как Таня помогла им найти дорогу в жизни, как в трудную минуту она вселяла в них бодрость, силу, веру в себя.

А вот и последняя пьеса Арбузова — «Иркутская история». Не вдаваясь в пространный анализ драмы, лишь отмечу, что своей принципиальностью, твердостью духа, чуткостью к людям и нежностью к любимой один из ее героев — Сергей Серегин не может не оказать благотворного влияния на зрителей. И вот что примечательно: почему-то автору явно не захотелось «оживлять» этот образ никакими внутренними изломами и психологическими слабостями!

Когда говорят о положительном герое, о крупном народном характере, в котором угадывались бы самые приметные, самые типичные черты современника, вряд ли надо беспокоиться о дозах недостатков и слабостей, «допустимых» для такого героя. При чем тут способы и приемы, весьма похвальные в актерском деле, но не имеющие никакого отношения к искусству?

**ШТОРМ** унес в бушующий океан четырех советских людей. В течение 49 суток герои этого события пережили большую драму, проявили беспримерный героизм и мужество в поединке со страшной стихией, голодом и жаждой. Разве эта героическая драма не раскрывает лучших черт советского характера, разве не волнует наши сердца, хотя в драме этой и не мелькает ни тени вредителя, ни консерватора или аморальной личности?

Сейчас мы получили радостную возможность целиком прочитать великое творение М. Шолохова — «Поднятую целину». И вот прошел перед нами героический путь рабочего-путловца, строителя колхозной новы Семена Давыдова. Спрашивается, можем ли мы считать Давыдова героем, достойным подражания, не побоясь сказать «идеальным героем»? По моему глубокому убеждению, можем. А он далеко не безгрешен, были у него и свои слабости, и заблуждения, и срывы. Но разве это меняет суть дела, разве это снижает чувство нашего уважения к Давыдову и восхищения перед мощью духовного облика этого верного сына русского рабочего класса! Потому-то и носили в планшетах или сумках эту любимую книгу все те, кто создавал колхозы в начале тридцатых годов, кто их восстанавливал в послевоенные годы, кто шел в деревню по призыву партии в рядах тридцатитысячников. А как много помог Давыдов крестьянам Китая, стран народной демократии!

А вот пример из нашего сценического искусства. В Кремлевском театре Воронежский драматический театр имени Алексея Кольцова показал хороший спектакль «Иван Буданцев» (режиссер И. Бобылев, художник В. Герасименко). В задачу этой статьи не входит разбор пьесы Виктора Лаврентьева и спектакля. Сейчас меня интересует лишь центральный образ — Иван Буданцев, великолепно воплощенный замечательным актером Сергеем Паповым.

Какие качества отличают Будан-

цева? Активное отношение к жизни, строгая любовь к людям, страстное стремление раскрыть в каждом человеке его лучшие черты и, опираясь на них, поставить человека в ряды активных бойцов за новое, передовое в нашей жизни. Он не может выносить потребительского отношения к делу, равнодушного, юридически «нормального», но холодного «исполнения обязанностей».

Вот старик Иван Буданцев разговаривает с молодым архитектором Сергеем Тихоновым. Последний выполнил свою работу — проект застройки колхозного поселка. Выполнял профессионально грамотно, но без души, без горячей заинтересованности в жизни людей, без раздумки об их будущих запросах. Действовал архитектор, по его словам, на основании определенных законов и юридически его ни в чем обвинить нельзя. Но вот что говорит ему старый председатель колхоза: «Скажи, ради бога, кто ты? Знаю, паспорт у тебя советский, диплом есть. Для чего он у тебя? Что тебе душу греет? Было ли у тебя такое, что ты, задумав свое, ночей не спал? Какие подвиги собирался совершить? Чем хотел людей порадовать? Или ничего у тебя не было? Так и на свет появился — ни рыба, ни мясо».

Таковы моральные законы, по которым судит Буданцев окружающих. Это строгие, но справедливые законы, они вызваны желанием видеть человека сильным, дерзающим, пытливым.

И тут мне вспомнился один факт уже из реальной действительности. Года три назад в Союз писателей пришли трое старых большевиков, партизан, участников борьбы с колчаковцами в Сибири. Среди документов, показанных ими, был приказ Ревтрибунала, в котором говорилось, что «хладнокровное отношение к своим обязанностям будет рассцениваться как измена делу революции и караться по всей строгости закона». Ныне, понятно, иное время, иные средства воздействия на «хладнокровных». Но как великолепно звучит в этих нескольких словах революционное требование заинтересованного, увлеченного, хозяйского отношения к жизни.

Иван Буданцев, каким его написал Лаврентьев и каким играет Папов, — подлинный хозяин жизни, в нем явственно видны черты истинного героя нашей эпохи, это обобщенный образ современника — строителя коммунистического общества. В нем нет никаких «червоточин», будто бы необходимых для «оживления» образа. А разве он не живой человек, разве есть в нем что-либо похожее на резонерство, бесплотность, то есть на все то, чем обычно пугают нас противники так называемого «идеального героя»? Подите, посмотрите на Папова в этой роли! Какой же это земной, конкретный, так хорошо знакомый нам человек, которого мы не раз встречали. И какие удивительные качества отличают его — качества, которые могли проявиться только в наше время и только в нашем обществе.

Итак, что представляет собой положительный герой наших дней — об этом мы уже можем судить на живых образах. Это и Иван Буданцев, и Андрей Аверин («В добрый час!»), и Нила Снежко («Барабанщица»), и Павлина Хуторная («Стряпуха»), и Сергей Серегин («Иркутская история»), и многие другие их товарищи по духу, по крови, по отношению к жизни.

Посмотрите на этих людей, почувствуйте биение их горячих сердец, и вы поймете, что герой нашего времени твердой поступью входит на советскую сцену.

Н. ГРОМОВ.

Современник  
19.11.60.